

УДК 82.0+821.161.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-56-65

Пророк и его власть:
о стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поэт»
(«Отделкой золотой блистает мой кинжал...»)

Павел Е. Спиваковский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, literaturozedenie@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворения М.Ю. Лермонтова «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»). Традиционная советская интерпретация здесь ставится под сомнение, поскольку «продекабристская» рецепция этого произведения ныне выглядит как минимум односторонней. В период написания стихотворения Лермонтов расходится во взглядах с декабристами, и все большую значимость приобретает его радикальный индивидуализм. Мощь и агрессивность кинжала из первой части стихотворения имеет прямое отношение к стремлению поэта, героя второй части, к власти над окружающими. Образ поэта-пророка в этом стихотворении тесно связан и с лирическим героем стихотворения Лермонтова «Пророк», и с образом лермонтовского Демона, также несущим в себе пророческое начало. Такое сближение вызвано тем, что пророк для Лермонтова – это прежде всего индивидуалист, «пророк самого себя», стремящийся к власти. Он может получать какие-то дары от Бога, но для самого пророка это малосущественно, как малосущественно и для «Мцыри», получившего от Бога способность воспринимать думы «темных скал». При этом и лермонтовский пророк (в любой из своих инкарнаций), и Мцыри воспринимают полученное лишь как привилегию, возвышающую их над другими людьми. Также в статье присутствует полемика с Б.М. Эйхенбаумом и анализируются «сплавы» слов в поэзии Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, индивидуализм, кинжал, поэт-пророк, Эйхенбаум, власть, Демон

Для цитирования: Спиваковский П.Е. Пророк и его власть: о стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 9. С. 56–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-56-65

The prophet and his power.
 On Mikhail Lermontov's poem 'The Poet'
 ('My dagger glitters with gold...')

Pavel E. Spivakovskii
*Russian State University for the Humanities,
 Moscow, Russia, literaturovedenie@gmail.com*

Abstract. The article deals with an analysis of Mikhail Lermontov's poem "The Poet" ("My dagger glitters with gold..."). The traditional Soviet interpretation is called into question here, since the 'pro-Decembrist' reception of that work now seems, at the very least, one-sided. At the time of writing the poem, Lermontov diverged in views from the Decembrists, and his radical individualism attains increasing significance. The might and aggressiveness of the dagger in the first part of the poem is directly related to the desire of the poet, the hero of the second part, for power over those around him. The image of the poet-prophet in this poem is closely linked to the lyrical hero of Lermontov's poem "The Prophet" and to the image of Lermontov's Demon, who also has a prophetic nature. This similarity stems from the fact that, for Lermontov, the prophet is first and foremost an individualist, a 'prophet of himself,' striving for power. He may receive certain gifts from God, but for the prophet himself, that is insignificant for Novice (Mtsyri), who received from God the ability to perceive the thoughts of 'dark rocks.' At the same time, both Lermontov's prophet (in any of his incarnations) and Novice perceive what they have received as a privilege that elevates them above other people. The article also contains a polemic with Boris Eikhenbaum and analyses the "alloying" of words in Lermontov's poetry.

Keywords: Lermontov, individualism, dagger, poet-prophet, Eikhenbaum, power, Demon

For citation: Spivakovskii, P.E. (2025), "The prophet and his power. On Mikhail Lermontov's poem 'The Poet' ('My dagger glitters with gold...')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 56–65, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-56-65

В советском литературоведении утверждалось представление о стихотворении «Поэт» («Отделкой золотой блестает мой кинжал...») <1837–1838?; 1839>¹ как о произведении, в центре

¹ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. тома Н.Г. Охотин. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 292. Здесь и далее датировка стихотворений Лермонтова дана по этому изданию.

внимания которого ностальгия по «общественной роли» поэта. Например, О.В. Миллер в «Лермонтовской энциклопедии» интерпретирует первую часть стихотворения так:

Стих~~«отворение»~~ построено на сравнении. Первая и большая его часть (24 строки из 44) – описание кинжала, его в прошлом славной воинской судьбы и бесполезного настоящего, когда «игрушкой золотой он блещет на стене», – представляет собой параллель и своего рода ступень ко второй, главной части, где говорится об утрате поэзией ее обществ~~«енной»~~ роли [Миллер 1981].

Так ли все просто в лермонтовском тексте?

В начале второй части стихотворения речь идет о том, что поэт, подобно кинжалу, «свое утратил назначенье»². Какое же назначение предписывается кинжалу? Очевидно, его задача убивать.

Сверхкрепкая, возможно, дамасская сталь, из которой изготовлен кинжал, прорывает кольчуги, оставляя на груди каждого убиваемого «страшный след»³. Существенно и то, что кинжал в романтической традиции является роковым предметом [Манн 1977, с. 37]. Особенно показательно в стихотворении, что в ответ на малейшую обиду прежний владелец кинжала, наездник-мусульманин, просто доставал его и *резал* обидчика. Никакого конвенционально регламентированного столкновения, наподобие дуэлей, принятых в то время среди европейского дворянства, здесь нет, и автору это нравится: не случайно убийство обидчика подается в возвышенно-романтическом модусе: «Звенел в ответ речам обидным»⁴. Здесь автор стихотворения явно отдает предпочтение более жестокой «неевропейской» этике. Можно, впрочем, взглянуть на это и несколько иначе: так, по мнению Вяч.И. Иванова, Лермонтов – «отрицатель всех норм»⁵.

У психологически антропоморфного кинжала в достаточной мере развито чувство собственного достоинства. Он, подобно ранним римлянам, придерживается принципов воинской аскезы: «В те дни была б ему богатая резьба / Нарядом чуждым и постыдным»⁶. Важно и то, что, «послушнее раба» разделяя со своим хозяином его

² Там же. С. 291.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Иванов Вяч.И. Лермонтов // Иванов Вяч.И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. С. 370.

⁶ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. С. 291.

«забавы»⁷ (слово весьма многозначное, семантические границы здесь трудноопределимы), кинжал убивал совершенно бескорыстно, «не зная платы за услугу»⁸. Богатство же разворачает и лишает мужества быть непреклонным и целеустремленно жестоким. Не случайно автор сожалеет о том, что теперь, обретя золотые ножны, кинжал уже никого не убивает: «Игрушкой золотой он блещет на стене – / Увы, бесславный и безвредный!»⁹ Это «увы» звучит чрезвычайно красноречиво.

В связи со всем описанным выше возникает вопрос, насколько агрессивным, по мнению автора, должен стать поэт, чтобы полноценно походить на свой «железный аналог»? Каково главное предназначение поэта, которое, по мнению автора стихотворения, сейчас позорным образом «обменивается» на золото? Весьма симптоматично, что речь идет о *власти*.

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговеньи?¹⁰

В «прежние», мифологизированные Лермонтовым времена поэт возвышался над толпой, управляя ее помыслами и действиями, так что все внимали его властному поэтическому слову. На буквальном же уровне сказано, что свет внемлет *именно власти*. Такой поэтический «сплав» слов (по Б.М. Эйхенбауму) не является следствием речевой неточности. «Сплавы» слов у Лермонтова, создавая иллюзию неточного словоупотребления, функционируют в его текстах почти как противоречия в текстах А.С. Пушкина. Можно, конечно, вслед за А.П. Чудаковым посчитать, что в пушкинских образах нет единства [Чудаков 1992], однако необходимо учитывать: пушкинские художественные тексты построены по принципу библейского, а не гомеровского повествования [Ауэрбах 1976, с. 23–44], иначе говоря, противоречия требуют от читателя вдумчивого сопоставления различных частей текста, что само по себе провоцирует создание куда более сложной рецептивной картины.

Говоря о «сплавах» слов в поэзии Лермонтова, Эйхенбаум утверждал, что

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

начальная формула «Демона», сложившаяся у Лермонтова с самого первого очерка и дошедшая неизменной до последнего – «Печальный Демон, дух изгнанья» – типична для языка Лермонтова. Из Пушкинского «дух отрицанья, дух сомненья» возникает по аналогии нечто уже не совсем понятное: «дух изгнанья» – что это, дух изгнанный или дух изгоняющий? Ни то, ни другое. Это – языковой сплав, в котором ударение стоит на слове «изгнанья», а целое представляет собой эмоциональную формулу¹¹ [Эйхенбаум 1924, с. 98].

Последние утверждения выглядят несколько странно, поскольку в лермонтовском «Демоне» нет ни слова о «духе изгоняющем», и даже если бы об этом зашла речь, словосочетание «дух изгнанья» никак не могло бы быть отнесено к гонителю, поскольку семантика слова «изгнание» с неизбежностью указывает на гонимых, на тех, *кого отправляют в изгнание*, а вовсе не на их гонителей. Изгнание становится для Демона своеобразным эйдетическим клеймом, «приросшим» к нему и радикально изменившим его эсценциалистски воспринимаемую «природу», неким подобием Каиновой печати. За всем этим сложно было бы увидеть лишь редуцированную эмоциональную формулу. Эйхенбауму очень не нравятся усложнения у Лермонтова, «затрудняющие восприятие», подобно тому как Белинского раздражала «неточная» строка «покрытый ржавчиной презренья»¹². Оба, и ученый и критик, не будучи консерваторами, невольно выступают здесь с консервативных позиций. Лермонтовские усложнения поэтической речи предвосхищают поэтику XX столетия, когда обыденные, «буквалистские» сочетания слов нередко оказываются отброшены и им на место приходят достаточно непростые ассоциативные связи (например, в «Поэме без героя» А.А. Ахматовой или в стихах О.Э. Мандельштама). Лермонтовские «сплавы» слов только при «быстром» прочтении кажутся бессмысленными. На самом же деле, они содержат в себе богатый и концентрированно экспрессивный смысл, раскрывающийся лишь тогда, когда мы вникаем в их внешне противоречивую семантику.

¹¹ В данной статье все шрифтовые выделения в цитатах принадлежат авторам цитируемых текстов.

¹² «Ржавчина презренья – выражение неточное и слишком сбивающееся на аллегорию. Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать всё значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 545).

Что же касается словосочетания «покрытый ржавчиной презренья»¹³, оно порождает представление о порче кинжала, который, к сожалению для автора стихотворения, больше никого не убивает, вследствие чего кинжал не чистят. Презрение к «мирному» пребыванию кинжала в золотых ножнах, с одной стороны, вызвано завершением его «героической» биографии, а с другой – оно должно спровоцировать поэта-пророка пойти путем «мщенья» и прямой агрессии. Толпу тешат «блёстки и обманы»¹⁴, «косметически» приукрашающие реальное положение вещей. По словам Эйхенбаума, «главная сила удара направлена здесь против стихотворений Бенедиктова, пользовавшихся в эти годы большим успехом» [Эйхенбаум 1961, с. 53]. Жеманно-нарциссическое стихотворение Бенедиктова «Прощание с саблею» <1831 или 1832>, по всей видимости, вызывало отторжение автора стихотворения «Поэт», тем более что в нем идет речь о превращении боевой сабли в кинжал:

...Ты будешь со мной;
И, ржавчине лютой не дав на съеденье,
Тебя обращаю я в кинжал роковой,
И ловкой и пышной снабжу рукоятью,
Блестящей оправой кругом облеку,
И, гордо повесив кинжал над кроватью,
На мщенье коварству его сберегу!¹⁵

По-своему блестящий автопародийный лирический герой Бенедиктова, предвосхищающий образы Козьмы Пруткова и Игоря Северянина, едва ли заслужил такой непропорционально серьезный ответ. Ответ Бенедиктову здесь все же есть, но главная сила удара обращена на другое. Поэт явно стремится господствовать над толпой, несмотря на то что подчиняться его слову, очевидно, никто не собирается, и, в частности, за это толпе необходимо мстить. Искусственное разжигание обиды очень характерно для многих произведений Лермонтова: «коварные» замыслы и обвинения со стороны обидчиков дают его героям моральное право на ненависть и месть, которые, с точки зрения поэта, ставят обиженного выше любого закона. «В каком указе есть / Закон иль правило на ненависть и месть»¹⁶, – вопрошает лермонтовский Арбенин.

¹³ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. С. 292.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Бенедиктов В.Г. Стихотворения. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1983. С. 52. (Б-ка поэта. Большая серия)

¹⁶ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 3 / отв. ред. О.В. Миллер. С. 315.

Речь поэта в прошлом, если верить автору стихотворения, настраивала толпу на возвышенный лад, его стихи нужны были и для войны, и для пиров, они, подобно фимиаму, усиливали эмоциональное воздействие молитв. Более того, стих поэта, «как Божий дух, носился над толпой»¹⁷, заменяя таким образом Святого Духа. Упоминание о колоколе «на башне вечевой», который вещает «во дни торжеств и бед народных»¹⁸, как справедливо замечал Эйхенбаум, отсылает нас к декабристской поэзии [Эйхенбаум 1961, с. 94] и, в частности, к декабристской версии романтизма, особенно повлиявшей на раннего Лермонтова [Вацуро 2008, с. 359], но отчасти отразившейся и в более позднем его творчестве. При этом особой идейной или интеллектуальной близости между Лермонтовым и декабристами в конце 1830-х гг. не было. Показательно в этом плане свидетельство ссылочного декабриста М.А. Назимова:

Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали, и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой запрос, или отдельовался шуткой и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьезная беседа¹⁹.

По всей видимости, интересы Лермонтова в описываемое время все сильнее расходятся с декабристскими.

В конце стихотворения произносится очень важное слово: «Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?»²⁰. Фигура пророка у Лермонтова принципиально отлична от пушкинской. Если у Пушкина пророк является носителем Божьей воли («Исполнись волею Моеей»²¹), и угль, горящий в его сердце, заимствованный из начала 6-й главы Книги пророка Исаии, есть орудие духовного очищения (пусть в случае Пушкина и через искусство), то герой Лермонтова в стихотворении «Пророк» <1841>, получив от Бога дар всеведения,

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 291.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: жизнь и творчество // Лермонтов М.Ю. Соч.: первое полн. изд. В.Ф. Рихтера / под ред. П.А. Висковатова. Т. 6. М.: В.Ф. Рихтер, 1891. С. 304.

²⁰ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. С. 292.

²¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3. Кн. 1. СПб.: Наука, 2019. С. 98.

видит «в чертах людей» лишь «страницы злобы и порока»²². Как известно, согласно новозаветному тексту, всеведением не обладал даже Христос в своем человеческом естестве, поскольку даже он не знал, когда именно произойдет Страшный суд (Мк 13:32). Кроме того, начиная проповедовать «чистые ученья»²³ любви и правды, лермонтовский пророк идет против самого себя, потому что любви к людям в нем нет. Поэтому, будучи отвергнут людьми, он находит частичное утешение лишь в мире природы (по словам пророка, «мне тварь покорна там земная»²⁴), т. е. как и в стихотворении «Поэт», для него важнее всего именно власть. А тем, кто ее не признает или отвергает, надо мстить.

Образ пророка у Лермонтова еще многограннее. Так, в поэме «Демон» Тамара остро переживает встречу с внезапно возникшим перед ней незнакомцем:

И перед утром сон желанный
Глаза усталые смешил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной²⁵.

Пророческим началом, как видим, может быть наделен и Демон. Такое оказывается возможным, потому что для Лермонтова пророк, хоть и получает какие-то дары от Бога, по сути, является *пророком самого себя*, и главное для Демона, как и для других лермонтовских инкарнаций образа пророка, это власть над окружающими. Дары от Бога, кстати, получает и Мцыри, гордящийся тем, что способен воспринимать думы «темных скал»: «Мне было свыше то дано!»²⁶ – гордо провозглашает он, и это совершенно не препятствует герою-индивидуалисту враждовать с Богом. Лермонтовский пророк не становится носителем Божьего слова, как у Пушкина. «Чистые ученья» любви и правды, духовно чуждые весьма необычному лермонтовскому пророку, ненавидящему людей, больше похожи на формальные уроки «Закона Божьего», чем на те «огненные» слова, которые Бог в библейском тексте (в основном в Ветхом Завете) обращает к людям через пророков. Лермонтовский пророк стремится к иному: в идеале он должен быть самодостаточен в своем стремлении повелевать, и потому при желании вполне способен преобразиться, например, в Демона.

²² Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 1. С. 347.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 348.

²⁵ Лермонтов М.Ю. Собр. соч. Т. 2 / отв. ред. Ю.М. Прозоров. С. 401–402.

²⁶ Там же. С. 428.

Лермонтовские слова тоже «огненные», но цель их появления совсем иная. Автор стремится к созданию образов индивидуалистов, иногда существенно более радикальных, чем индивидуалисты Байрона. Поэт-пророк, чье творчество должно подменить веяние Святого Духа, фигура грозная и титаническая. Естественно, титану, перед которым *должны* склониться все, необходимо оружие, несущее гибель. Именно ради этого в финале стихотворения и появляется метафорический образ разящего клинка.

Литература

- Ауэрбах 1976 – *Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западно-европейской литературе*. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
- Вацуро 2008 – *Вацуро В.Э. О Лермонтове: работы разных лет*. М.: Новое изд-во, 2008. 715 с.
- Манн 1977 – *Манн Ю.В. Игровые моменты в «Маскараде» Лермонтова* // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1977. Т. 36. № 1. С. 27–38.
- Миллер 1981 – *Миллер О.В. «Поэт» // Лермонтовская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 441.
- Чудаков 1992 – *Чудаков А.П. Структура персонажа у Пушкина* // Сб. ст. к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / отв. ред. А. Мальтс. Тарту, 1992. С. 190–207.
- Эйхенбаум 1924 – *Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: опыт историко-литературной оценки*. Л.: Госиздат, 1924. 168 с.
- Эйхенбаум 1961 – *Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 372 с.

References

- Auerbach, E. (1976), *Mimesis: Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis. The representation of reality in Western literature], Progress, Moscow, USSR.
- Vatsuro, V.E. (2008), *O Lermontove: raboty raznykh let* [On Lermontov. Works of various years], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Mann, Yu.V. (1977), “Playful moments in Lermontov's 'Masquerade' ”, *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 36, no. 1, pp. 27–38.
- Miller, O.V. (1981), “Poet”, in *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov encyclopaedia], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR, p. 441.
- Chudakov, A.P. (1992), “Pushkin's character structure”, in Mal'ts, A., ed., *Sbornik statei k 70-letiyu professora Yu.M. Lotmana* [Collected articles for the 70th anniversary of professor Yu.M. Lotman], Tartu, Estonia, pp. 190–207.

- Eikhenbaum, B.M. (1924), *Lermontov: opyt istoriko-literaturnoi otsenki* [Lermontov. A study in historical-literary evaluation], Gosizdat, Leningrad, USSR.
- Eikhenbaum, B.M. (1961), *Stat'i o Lermontove* [Articles about Lermontov], Izdatelstvo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Павел Е. Спиваковский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; literaturovedenie@gmail.com

Information about the author

Pavel E. Spivakovskii, Cand. of Sci (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; literaturovedenie@gmail.com